АЛЕКСЕЙ НИЛОГОВ

nilogov1981@yandex.ru

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ АНТИЯЗЫКА?

Для того чтобы обосновать такую философскую дисциплину, как философия антиязыка, рассмотрим то содержание имеющейся философии языка, которое, на наш взгляд, не удовлетворяет современному уровню философской проблематики. И ниже приведём первоисточниковые, словарные и энциклопедические определения «философии языка»:

«Важно различать философию языка и лингвистическую философию. Лингвистическая философия складывается из попыток решить философские проблемы путем анализа значений слов естественных языков и логических отношений между словами. Такой анализ можно использовать при обсуждении традиционных вопросов философии, например проблем детерминизма, скептицизма или каузации, впрочем, можно, специально не обращаясь к традиционным философским проблемам, изучать понятия как отдельные и интересные объекты исследования, как способ проникнуть в мир, строя классификации и проводя отождествления и различения в языке, которым мы пользуемся для характеристики и описания мира. Философия языка складывается из попыток проанализировать самые общие языковые единицы и отношения, такие как значение, референция, истина, верификация, речевой акт или логическая необходимость.

Если «философия языка» – это название объекта изучения, заголовок темы внутри философии, то «лингвистическая философия» – это, в первую очередь, название философского метода. Однако метод и объект очень тесно связаны. Философия языка и лингвистическая философия связаны тесно не только потому, что к некоторым проблемам философии языка можно с успехом подойти, применяя методы и приёмы лингвистической философии (речь идёт, например, о таких проблемах, как природа истины, которую, по крайней мере частично, можно представлять как серию вопросов, относящихся к анализу понятия «истинный»), но и потому – а это гораздо важнее, – что методы, которыми пользуются лингвистические философы в своих исследованиях языка, в очень сильной степени зависят от их философских взглядов на язык, то есть от их философии языка» (Философия языка, 2004: 6).

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА (Philosophy of Language, Sprachphilosophie). В отличие от классической философии, в которой язык понимался обычно как то, в чём воплощается чистое мышление, а потому не составлял особой философской проблемы, для самых разных направлений философии XX в. характерен «лингвистический поворот». Язык предстал неотделимым от человеческого сознания, опыта и знания, он вышел в центр философского

анализа, превратился в инструмент решения многих философских проблем. Под общее имя «Ф.я.» попадает большое и часто связанное между собой лишь номинально семейство различных теорий и учений о происхождении, природе и функциях языка, которые появились в XX в.» (Современная западная философия, 2000: 446).

«Философия языка – англ. philosophy of language; нем. Sprachphilosophie. Понимание языка, при котором философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка, в свою очередь, – для решения некоторых философских проблем» (http://vslovare.ru/slovo/filosofija-jazjyka).

«Philosophy of language is concerned with four central problems: the nature of meaning, 0language use, language cognition, and the relationship between language and reality. For continental philosophers, however, the philosophy of language tends to be dealt with, not as a separate topic, but as a part of logic» (http://en.wikipedia.org/wiki/Philosophy_of_language).

«Philosophy of language, philosophical investigation of the nature of language; the relations between language, language users, and the world; and the concepts with which language is described and analyzed, both in everyday speech and in scientific linguistic studies. <…> Simon W. Blackburn» (http://global.britannica.com/EBchecked/topic/754957/philosophy-of-language).

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА – исследовательская область философии, в которой не просто анализируется взаимосвязь мышления и языка, а выявляется конституирующая роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания. Термин "философия языка" был предложен П. И. Житецким (1900), А. Марта (A. Marty, 1910), К. Фослером (K. Vossler, 1925), О. Функе (O. Funke, 1928), М. М. Бахтиным и В.Н. Волошиновым (1929). <…> А. П. Огурцов» (Новая философская энциклопедия, 2010: 238).

«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА (В Индии) – идеи индийских мыслителей о природе языка (его структуре, функциях и происхождении) и семантические теории (о соотношении языка и значения, о лингвистической единице смысла и т. п.). <…> В. Г. Лысенко» (Новая философская энциклопедия, 2010: 240).

«Философия языка – исследовательская область философии, выявляющая основополагающую роль языка речи в познании и структурах сознания и знания.

Философия языка – одно из центральных направлений исследований в современной западной философии, в центре внимания которого представление о языке как ключе к пониманию мышления и знания» (http://ru.wikipedia.org/wiki ...).

Также укажем синонимичные «философии языка» направления в лингвистике и философии:

«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (философия «обыденного языка») – философское направление, поставившее своей основной задачей анализ естественного языка строгими методами. Анализ предпринимался с целью определения философски значимых

концептов (таких, как «добро», «зло», «долг», «знание», «значение» и др.), опираясь на контексты употребления соответствующих слов в обыденной речи. Другая цель анализа – выявление особой «логики» (правил, регламентов и конвенций) функционирования языка в условиях повседневной коммуникации. Первый круг задач выполнялся концептуальным анализом, второй – логическим анализом речевых актов. <…> Н. Д. Арутюнова» (Языкознание, 1998: 269–270).

«ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ – проблемы, касающиеся наиболее общих, конститутивных свойств самого языка, проявления в языке (и в процессе его изучения) предельно общих свойств (черт) объективного мира, общих закономерностей развития природы, общества и познания, а также лингвистические проблемы, так или иначе связанные с решением основного вопроса философии. Это проблемы природы и сущности языка (прежде всего – его социальной природы), отношения языка и мышления, языка и общества, системы и структуры в языке, его знакового характера, языкового значения, происхождения, эволюции и истории языка, идиоэтнического и универсального в языке, возникновения и развития философии языка и др.

Ф. п. я. могут быть подразделены на 2 цикла: 1) проблемы онтологии языка; 2) проблемы принципов исследования языка, базирующихся на тех или иных теоретико-познавательных установках, – методологические проблемы языкознания. <…> П. В. Чесноков» (Языкознание, 1998: 545).

Основополагающими понятиями «философии антиязыка» являются следующие: антиязык, антислово, класс антислов, принцип «изначального опоздания», принцип «изначального опережения», аутентичная номинация и др.

Введём фундаментальный принцип, являющийся осевым в проблеме противопоставления философии языка – философии антиязыка. Речь идёт о так называемом принципе «изначального опоздания», который терминологически был сформулирован французским философом Винсентом Декомбом в книге «Современная французская философия». Понятие «изначального опоздания» вводится В. Декомбом применительно к философии французского философа-деконструктивиста Жака Деррида, который, развивая континентальную традицию европейской философии (наряду с М. Хайдеггером), ещё больше усугубляет метафизику присутствия/отсутствия. Процитируем соответствующий отрывок из В. Декомба, в котором он продолжает ассоциативный ряд по поводу истолкования такого центрального деррideанского неологизма, как «различание» («differance»): «Вторичное есть не просто то, что приходит *на смену* первичному в качестве некоего запоздания, – оно есть то, что позволяет первичному быть первичным. Так, первому не удаётся быть действительно первым только благодаря собственным усилиям, собственным средствам: в этом ему помогает вторичное всей силой своего запоздания. Первое является первым только при содействии второго. «Во-вторых», следовательно, обладает своего рода первичностью по отношению к «во-первых»: с самого начала оно присутствует как предварительное условие первичности «во-первых» (не будучи при этом, естественно, самым изначальным «во-первых» *[речь о вторичном. – Прим. А. Н.]*: из этого следует, что

«во-первых» на самом деле является «в-третьих»)» (Декомб, 2000: 140). За этой замысловатой цитатой скрывается вся подноготная современной философии и её центрального раздела – онтологии, которая как учение о сущем уже не может претендовать на дескрипцию сущего, а метафизика – на дескрипцию бытия (в хайдеггеровском различении бытия (онтологического) и сущего (онтического)), потому что фундаментальность принципа «изначального опоздания» постулирована самой **семиотичностью** – знаковой природой человеческого познавательного процесса.

И далее: «В ещё более общем плане настоящее является настоящим лишь при условии, что оно соотносится с отсутствующим, дабы стать отличным от него (отличным от отсутствующего, которое есть прошлое или будущее). По Деррида, метафизика могла бы быть жестом стирания этой отличающей метки, этого следа отсутствующего, следа, благодаря которому настоящее есть настоящее. В таком случае можно заметить следующее: след обычно означает наличествующий знак отсутствующей вещи, знак, оставленный этим отсутствующим после его перемещения туда, где оно наличествовало; но если всякое наличествующее несёт след отсутствующего, его ограничивающего (и в этом смысле его конституирующего, продуцирующего, придающего ему бытие, каковым это наличествующее является), то тогда следует парадоксальным образом помыслить «изначальный след», то есть *наличествующий* след прошлого, никогда не имевшего места: “абсолютного прошлого”[1]» (Декомб, 2000: 143).

Всё вышесказанное можно резюмировать такими словами: «Репрезентация никогда не может быть элементом настоящего, она лишь следует жизни мира и потому всегда запаздывает по отношению к ней. Выпадение из настоящего времени не позволяет знаку обслуживать, фиксировать, репрезентировать присутствие человека при жизни мира. Существование знака лишается смысла, а знак, в свою очередь, лишается и своего реального существования» (Гурко, 2001: 77).

С этих пор (а по сути – изначально, то есть в соответствии с самим принципом «изначального опоздания») проблема именования вещей их собственными именами пронизывает всю историю философии (понятие аутентичной номинации). Крупнейшими философами XX века – М. Хайдеггером и Ж. Деррида – было показано, что бытие невыразимо в естественном языке, вернее, выразимо лишь сущее, которое искажает бытие вещей, а следовательно, мы никогда не имеем дело с подлинным. Проблема соотношения бытия и небытия (присутствия и отсутствия) разрывает философию на две противоположные практики забвения – бытия, с одной стороны, и небытия – с другой. Решением названных фундаментальных проблем философии и лингвистики является проект философии антиязыка – такой новой дескриптивной дисциплины, в рамках которой разрабатываются специальные методы усмотрения невоязыковляемых сущностей, а также наиболее эффективные способы номинации вещей (референтов).

Несмотря на то, что М. Хайдеггер высказывается о языке как о доме бытия, тем не менее, вопрошание об онтологическом статусе подручных языковых единиц (и о языке в целом, в том числе о «языке бытия») остаётся отнюдь не

риторическим: «В конце концов философское исследование должно решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то, ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть «мёртвым»? Что значит онтологически, что язык растёт и распадается? У нас есть наука о языке, а бытие сущего, которое она имеет темой, туманно; даже горизонт для исследующего вопроса о нём загорожен. Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью «мирны», размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу «пространственны», или это «эмпирическое обстоятельство» экзистенциально-онтологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придётся отказаться от «философии языка», чтобы спрашивать о «самих вещах», и оно должно привести себя в состояние концептуально прояснённой проблематики» (Хайдеггер, 2003: 193–194).

Философия антиязыка посвящена новому разделу философии, который во многом наследует, но в большей степени критикует, такую философскую дисциплину, как философия языка. В начале XXI века методы философии языка оказались недостаточными для решения фундаментальных проблем современной философии.

Поскольку философия есть область проблематизации незнаемого, постольку она нуждается в новой лингвистической методологии, а именно – антиязыковой. Перед нами – крупномасштабная опись тех вещей, которые оказались безымянными в языке, но жаждут быть поименованными хотя бы в лексиконе антиязыка. Философия антиязыка провозглашает ревизию всей истории философии с позиции поименованное/непоименованное, а, будучи новым философским методом, готово сыграть свою революционную роль в открытии антиязыков для всех общих и частных наук.

Выявление собственно антиязыковых и несобственно антиязыковых дискурсивных практик. В первом случае понимается поиск таких классов (анти)слов, которые невыразимы в естественном языке. Во втором случае – критика существующих способов коммуникации и сигнификации.

Антиязык в узком смысле (анти)слова – это совокупность классов антислов, номинирующих референты, которые нельзя поименовать с помощью естественного языка. Антиязык можно сравнить с подводной частью айсберга, являющейся условием существования его надводной части – наличного языка, – причём под подводной частью мы понимаем в том числе и идеальную комбинаторность языка быть именно практически бесконечным инструментом создания языковых единиц, хотя обычно под языковой комбинаторикой понимается лишь механическое умножение сущностей – статистическим увеличением количества высказываний, что может быть признано весьма спорным, учитывая принципы «произвольности языкового знака» и «двойного членения».

Приведём конкретные примеры антиязыковой номинации вещей (с указанием соответствующих классов антислов), которые не укладываются в сигнификативные возможности естественного языка (на примере современного русского языка).

В первом примере разберём такое понимание антислова, которое предполагает пограничный статус в антиязыке и языке, частично выражаемый с помощью обычных слов, но в большей степени – посредством антислов.

Нумерологизмы – это антислова (и соответствующий класс антислов), обозначающие названия (для) больших чисел. В качестве нумерологизмов названия больших чисел пребывают до своего языкового воплощения, причём речь идёт не только о номинации чисел, например, в соответствии с так называемой краткой шкалой, где новое название для числа образуется после прибавления к степени ещё 3 нулей[3] (которые с морфологической точки зрения в русском языке являются числительными, склоняющимися по падежам и числам), но и о назывном (словесном) перечислении всех чисел в диапазоне между такими степенями, которые с морфологической точки зрения в русском языке являются составными определённо-количественными числительными, склоняющимися по падежам.

Например: число 123456789012345678901234567890123456789 в словесном виде будет записано таким образом: один додециллион двести тридцать четыре ундециллиона пятьсот шестьдесят семь дециллионов восемьсот девяносто нониллионов сто двадцать три октиллиона четыреста пятьдесят шесть септиллионов семьсот восемьдесят девять секстиллионов двенадцать квинтиллионов триста сорок пять квадриллионов шестьсот семьдесят восемь триллионов девятьсот один миллиард двести тридцать четыре миллиона пятьсот шестьдесят семь тысяч восемьсот девяносто девять.

А в родительном падеже так: одного додециллиона двухсот тридцати четырёх ундециллионов пятисот шестидесяти семи дециллионов восьмисот девяноста нониллионов ста двадцати трёх октиллионов четырёхсот пятидесяти шести септиллионов семисот восьмидесяти девяти секстиллионов двенадцати квинтиллионов трёхсот сорока пяти квадриллионов шестисот семидесяти восьми триллионов девятисот одного миллиарда двухсот тридцати четырёх миллионов пятисот шестидесяти семи тысяч восьмисот девяноста девяти.

Ранее эти два названия числа являлись антисловами – нумерологизмами, а более конкретно – антисловоформами (антисловами в той или иной грамматической форме).

Ещё одна проблема связана с именованием трансцендентных чисел, у которых после целой части (после запятой) плетётся бесконечная вереница дробных знаков, поэтому в философии антиязыка названия таких чисел также представляют собой антислова (подкласс антислов) – **трансцендентные нумерологизмы** (так как невозможно целиком в силу трансцендентной природы (*а также даже предельно остаточно*) словесно и цифрово выразить, например, число пи, потому что всегда приходится иметь дело с компромиссным вариантом фиксации такого числа: не в виде редуцированных символов, а в зависимости от того, какое количество знаков определено после целой части; в настоящее время речь идёт о десятках триллионов цифр после запятой)[4].

Второй пример трактовки антислова связан с определением статуса всех реконструированных слов – так называемых праформ (этимонов) для

современных слов. Они составляют такой класс антислов, как **праформологизмы** (или **этимонологизмы**, или **этимологизмы**). В данном случае речь идёт об определении онтологического статуса словарно зафиксированных этимологических реконструкций. Для конкретизации примеров воспользуемся одним из этимологических словарей русского языка, а именно: «Историко-этимологическим словарём современного русского языка» П. Я. Черныха:

«**БА́БОЧКА** <…> Обычно слова *бабочка* производят от *бабка* (<**бабъка*) или прямо от *баба* (см.)/ <…>» (Черных, 1999: 62). В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – ***бабъка**.

«**ЖИВО́Т** <…> О.-с. *[общеславянская форма. – Прим. А. Н.]*[5] *žívotъ <…>» (Черных, 1999: 302). В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – ***životъ**.

«**МИ́СКА** <…> О.-с. *misa, восходящее к нар.-латин. mēsa < mēnsa <…>» (Черных, 1999: 534). В данном примере в статусе антислова выступает праформологизм – ***misa**.

С точки зрения этимологической методологии любая реконструкция этимона – гипотетична, то есть недостоверна. Следовательно, онтологический статус подобных праформ весьма условен, но научно мотивирован с позиции традиции сравнительно-исторического языкознания[6]. Процитируем автора данного этимологического словаря П. Я. Черныха: «Поставив себе задачей достижение максимальной убедительности того или иного объяснения, этимолог, по большей части, всё же вынужден работать не столько в области достоверного, сколько гипотетичного. Конечно, элемент гипотетичности в языкознании, в истории человеческой речи, не является достоянием только этимологических разысканий. В большей или меньшей мере он имеется во всех сравнительно-исторических построениях, если речь идёт о дописьменном периоде. Но историку языка – этимологу приходится пользоваться гипотезой и оперировать словесными формами (разумеется, особо оговорёнными), придуманными ad hoc, возможными, допустимыми, но не засвидетельствованными ни в письменных памятниках, ни в живой речи, гораздо чаще, чем, скажем, историку языка – фонетисту, который ведь тоже не чуждается таких построений: ср., напр., предположение Фортунатова о наличии носового ě (ѣ) в общеславянском праязыке. Это предположение понадобилось основоположнику Московской школы языковедов для того, чтобы объяснить южнославянское ę в тех случаях, когда в других славянских языках имеется ě (ѣ); <…>. Элемент гипотетичности в этимологических разысканиях объясняется самим характером материала, с которым приходится иметь дело этимологу: отдельно существующих слов много, гораздо больше, чем типовых звуков или типовых грамматических форм и грамматических категорий.

В общем можно сказать, что достоверность любой этимологии, удовлетворяющей даже самым строгим научным требованиям, поскольку она имеет отношение к доисторическому периоду развития того или иного языка, не может быть больше достоверности археологического объяснения, когда оно опирается на показания памятников материальной культуры, или

объяснения палеонтологического. Как говорит Г. Шухардт, «ни в области фонетики, ни в области семантики мы не можем рассчитывать на математически точные результаты; на всех наших этимологических операциях лежит печать вероятности»[7] (разрядка П. Я. Черных)» (Черных, 1999: 17–18).

Наконец, третью (отнюдь не последнюю) версию понимания антисловного статуса рассмотрим на примере такого класса, как **генеалогизмы**.

С точки зрения антиязыковой методологии генеалогические исследования представляют собой интересный лингвистический материал. Речь идёт о проблеме достоверного определения родственных связей, а именно: о корректном установлении имён собственных, документальное подтверждение которых часто осложнено плохой сохранностью первоисточников или их полным отсутствием. Начнём с такого примера, как наличие явных прямых предков, живущих в конкретном населённом пункте, в отношении которых невозможно определить точную родственную связь. Это связано с несохранившимися документами, удостоверяющими такую связь, как-то: наличие записей о бракосочетании, в которых указаны девичьи фамилии прямых предков по женским линиям (например, метрические записи и ревизские сказки периода 3–5 ревизий: приблизительно 1762, 1782, 1795 годов). Вероятно, что документально искомые предки зафиксированы в различных первоисточниках, но из-за описанной проблемы они не могут быть в точности названы прямыми предками, оставаясь таковыми фактически. Их имена собственные составляют один из классов антислов, который назовём **генеалогизмами**. Уточним, что речь идёт о документально зафиксированных людях и их именах (в полном варианте – ФИО), но связь с которыми затруднительна в силу нехватки прямых или косвенных документальных доказательств. По сути, имена ваших прямых предков сохранились в документах, но вы не можете подтвердить принадлежность к ним. Причём среди таких генеалогизмов могут быть разного типа антислова (например: полные генеалогизмы, включающие фамилию, имя и отчество вашего предка (Иван Петрович Смирнов), частичные генеалогизмы, включающие или фамилию и имя (Иван Смирнов), или имя и отчество (Иван Петрович), или фамилию и отчество (Петрович Смирнов), или имя (Иван).

Также стоит отметить и такие генеалогизмы, которые относятся к гипотетическому установлению родства в случае частичного отсутствия имён предков, не сохранившихся в период документальной фиксации – например, для XVII века (писцовая книга). Если ваши корни прослежены до начала XVIII века, то есть смысл проследить их чуть глубже – во вторую половину XVII века, учитывая тот факт, что у ваших потенциальных предков, живших в то время, уже имелись и имена, и отчества, а главное – фамилии. Допустим, что вам удалось установить вашего дальнего предка Ивана (имя) Варфоломеева (фамилия), жившего в начале XVIII века. Естественно, что ваша документально удостоверенная родословная не может быть ограничена только началом XVIII века, ведь и в XVII веке жили предки Ивана Варфоломеева. Можно зафиксировать предка в форме отчества (для прозрачных фамилий,

образованных от имён, отчеств, дедичеств и прадедичеств) «Варфоломеев сын» («Варфоломеевич») и в форме имени «Варфоломей». Онтолого-лингвистический статус данных форм, документально нигде не отмеченных, тем не менее, возможен как антисловный (**гипотетические генеалогизмы** как подкласс антислов).

Таким образом, на примере трёх классов антислов (и двух подклассов антислов) мы показали сигнификативную неадекватность современного русского языка (да и вообще любого другого естественного человеческого языка) для работы с выявленными референтами. В ходе философско-лингвистического исследования нами выявлено более 200 различных классов и подклассов антислов, которые не укладываются в традиционные научные подходы по их регистрации (каталогизации, систематизации, фактологизации) ни в рамках философии, ни в рамках языкознания. Постановка под вопрос онтологического статуса этих и многих других (анти)языковых единиц со всей очевидностью приводит нас к обоснованию такого нового раздела философии (с соответствующей методологией), как **философия антиязыка**. Несмотря на существование близкой к философии антиязыка – философии языка, мы настоятельно считаем, что в рамках философии языка невозможно решить тот комплекс номинативно-сигнификативных проблем, который обнаружен нами при анализе как актуальных философских задач, так и насущных лингвистических затруднений.

В итоге философия антиязыка постулируется нами как раздел философии, предметом которого является изучение оснований и пределов семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антиязыка.

Список литературы

Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл: Пер. с англ. – М., 2004. – 208 с. (http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=122735).

Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Сост. и ответ. ред.: В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М., 2000. – 544 с. – С. 466–467.

http://vslovare.ru/slovo/filosofija-jazjyka.

http://en.wikipedia.org/wiki/Philosophy_of_language.

http://global.britannica.com/EBchecked/topic/754957/philosophy-of-language.

Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4 / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Стёпин (пред. совета) и др. – *М., 2010. – С. 238–240* (http://iph.ras.ru/elib/3229.html).

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998. – 686 с.

Декомб В. Современная французская философия: [Сборник]. / Перевод с фр. – М., 2000. – 344 с.

Гурко Е. Н. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум), Как избежать разговора: денегации. – Минск, 2001. – 320 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. – М., 1993. – 448 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков, 2003. – 512 с.

Нилогов А. С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. – 2013. – № 3. – С. 266–274. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645 (http://nbpublish.com/fmag/contents_2013_3.html).

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. – 3-е изд., стереотип. – М., 1999. – 624 с.

Примечания

1. Derrida J. De la grammatologie. P. 97 (см. также: Freud et la scène de l'écriture // Ecriture et différence. P. 293 et sq; мы обнаруживаем здесь «изначальное прошлое» Мерло-Понти).
2. «Мы далеко ещё не продумываем существо деятельности с достаточной определённостью. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия. Его действенность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, producere – про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего "есть", так это бытие. Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создаёт и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль даёт бытию слово. Язык есть дом бытия» (Хайдеггер, 1993: 192). «Человек не только живое существо, обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия, живя в котором, человек эк-зистирует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» (Хайдеггер, 1993: 203).
3. Формула образования больших числительных такова: количество нулей в числе, записанном по краткой шкале, определяется по формуле $3 \cdot x + 3$ (где x – латинское числительное).
4. Более подробно об этом смотрите: Нилогов А. С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. – 2013. – № 3. – С. 266–274. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645 (http://nbpublish.com/fmag/contents_2013_3.html).
5. Ср. уточнение Ж. Ж. Варбот: «К сожалению, досадным архаизмом представляется принятое в словаре употребление термина общеславянский как определения праславянских (восходящих к праславянскому языку – общему предку всех славянских языков) слов, основ или корней» (Черных, 1999: 6).
6. Ср.: Ж. Ж. Варбот: «Совокупность сведений, доступных исследователю при этимологизации какого-либо слова, даже в принципе не может быть исчерпывающей, поскольку не сохраняется свидетельств о точном времени появления слов (редкими исключениями являются некоторые слова, созданные известными общественными деятелями, писателями и т. п. в относительно недавнее время), равно как не фиксируются все этапы их изменений. Поэтому этимологическое решение в значительной степени основывается на научном восстановлении, реконструкции изменений, пережитых словом, и почти всегда представляет собою гипотезу. Следствием этого является множественность этимологических толкований одного слова, не только сменяющих друг друга, но и нередко допускаемых специалистами одновременно на определённом этапе развития науки. При этой специфике этимология как наука оправдывает своё назначение и развивается благодаря строгому следованию сравнительно-историческому методу, совершенствованию его приёмов, расширению привлекаемой информации. Поэтому этимологические решения, даже

гипотетические, имеют научную и общественную значимость» (Черных, 1999: 4).
7. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Пер. с нем. А. С. Бобовича; Ред. предисл. и примеч. проф. Р. А. Будагова. М., 1950, с. 214.

***Алексей Сергеевич Нилогов**, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ХТИ – филиала СФУ (г. Абакан), действительный член Академии философии хозяйства (г. Москва)*